
РАКУРСЫ

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЙ РАСКОЛ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

Аннотация. Политическое развитие Турции демонстрирует чередование демократизации и автократизации, в основе которого лежат определенные устойчивые тенденции, поиску и интерпретации которых под разными углами зрения посвящено большое число работ. В статье используется теоретическая рамка центр-периферийных расколов Ш. Мардина, Э. Шилза, С.М. Липсета и С. Роккана, которая адаптируется для анализа турецкой партийной системы. Рассмотрена эволюция партийной системы Турции в контексте проявления соответствующих размежеваний на каждом из этапов (город – деревня, центр – периферия, секуляризм – религия), определены периоды доминирования центр-периферийного (территориального) или идеологического (функционального) конфликта. Выявлены факторы сохранения центр-периферийного раскола, в том числе высокий уровень религиозности, социально-экономические диспропорции между регионами, территориализация (в противоположность национализации) партийной системы, этнический раскол. Сделан вывод, что успехи Партии справедливости и развития и лично Р. Эрдогана являются результатом рационального выбора политической элиты центра в ответ на запросы периферии, в том числе через инструментализацию религии, популизм и харизму. Анализ выборов 2023 г. на основе выделения трех географических кластеров (центр, периферия, глубокая периферия по при-

* Харитонова Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, научный сотрудник исследовательской лаборатории «Политические процессы в системе отношений Центр-регионы», МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО МИД России «Приоритет-2030»

знаку социальной и географической дистанции) подтверждает сохранение в Турции центр-периферийного раскола (анализ вариации голосования за основные партии демонстрирует значимость географического фактора). В статье делается вывод, что несмотря на центростремительные ориентации правящей партии и президента, центр-периферийные размежевания продолжают определять конфигурацию партийной системы Турции, а концепция размежеваний сохраняет объяснительный потенциал.

Ключевые слова: центр; периферия; культурный раскол; Турция; выборы 2023; ПСР.

Для цитирования: Харитонов О.Г. Центр-периферийный раскол современной Турции // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 178–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.07>

Введение

Политическое развитие Турции демонстрирует чередование демократизации и автократизации, в основе которого лежат определенные устойчивые тенденции [Payaslıoğlu, 1964], поиску и интерпретации которых под разными углами зрения посвящено большое число работ. В области анализа центр-периферийных отношений основополагающим является исследование Ш. Мардина [Mardin, 1973], предложившего в 1973 г. на основе работ Э. Шилза, С.М. Липсета и С. Роккана теоретическое объяснение эволюции и функционирования партийной системы Турции¹.

Классическое сравнительное исследование формирования партийных систем в западноевропейских демократиях С.М. Липсета и С. Роккана выделило расколы, порожденные национальной и промышленной революциями, которые располагались по двум осям – территориальной и функциональной. Территориальная ось представляет собой центр-периферийный раскол, конфликт между национальными элитами, находящимися в центре национального государства и локальными, периферийными оппозиционными

¹ Статья Ш. Мардина признана в турецкой политической науке доминирующим метанарративом для анализа партийной системы Турции, поэтому с ее цитирования начинаются практически все исследования. Гугл Академия находит 1343 цитаты в статьях, из которых 1300 были написаны после 1990 г., в том числе 1000 статей – после 2010 г. – Режим доступа: https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=2005&sciodt=0%2C5&cites=15855611218133350823&scipsc=&as_ylo=1990&as_yhi=2023 (дата посещения: 01.10.2023).

силами, включающими примордиальные интересы языковых, этнических и культурных групп. Расколы по функциональной оси являются вторичными, возникают после консолидации границ государства и выступают сквозными идеологическими конфликтами, которые не связаны с территорией и не представляют угрозу для государственной целостности [Липсет, Роккан, 2004]. Можно ли применить теорию критических развилок и тропозависимого развития партийных систем Липсета и Роккана к анализу политических процессов в постимперских нехристианских странах, расположенных за пределами Западной Европы? Турция не входила в список рассмотренных Липсетом и Рокканом стран, но турецкие авторы пытались адаптировать их теоретическую рамку для анализа эволюции и развития турецкой партийной системы.

Несмотря на то что процессы демократизации Турции отличались от западноевропейских, а институционализация расколов осуществлялась элитами «сверху», два доминирующих раскола (центр-периферия и церковь-государство) являются результатом национальной революции – политики нациестроительства Кемаля Ататюрка. Согласно Озбудуну, в Турции нет института, «эквивалентного католической церкви с ее автономной структурой и корпоративными привилегиями, поэтому между ярыми сторонниками секуляризации и набожными мусульманами возник функциональный раскол... Из-за поздней индустриализации Турция избежала расколов, возникающих в результате промышленной революции, вследствие чего не была сформирована аграрная партия, а раскол между владельцами капитала и рабочим классом остается второстепенным» [Özbudun, 2013, p. 6–7]

Концепция центр-периферийного раскола помогает объяснить победу Демократической партии в 1950 г., как подъем периферии, перевороты (1960, 1971, 1980, 1997) – как возвращение власти светскому центру, появление Партии справедливости и развития и харизматичного популиста Р. Эрдогана – как попытку интеграции интересов центра и периферийного контрцентра (в понимании Э. Шилза). В статье будет рассмотрена эволюция партийной системы Турции в контексте проявления соответствующих размежеваний на каждом этапе ее развития (город – деревня, центр – периферия, секуляризм – религия), определены периоды доминирования центр-периферийного (территориального) или идеологического (функционального) конфликта. Для иллюстрации центр-периферийного

раскола будут рассмотрены результаты парламентских выборов 2023 г. и выделены три географических кластера (центр, периферия, глубокая периферия по признаку социальной и географической дистанции).

Центр-периферийный раскол: случай Турции

«В каждом обществе есть центр», – начинает свое исследование Ш. Мардин с цитаты Э.Шилза и применяет концепцию центра – периферии к анализу политических расколов в Турции в османский и республиканский периоды. Он считает, что раскол между центром и периферией был заложен еще в Османской империи как «главный одномерный конфликт между устойчивым центром и периферийными силами, обладающими фактической автономией» [Mardin, 1973, p. 170]. Центр использовал персидский и арабский языки и представлял городскую культуру, тогда как периферия обладала культурой кочевников со своей чрезвычайно разнообразной контркультурой» [Mardin, 1973, p. 173].

Мардин утверждает, что после создания республики центр-периферийный раскол продолжал доминировать в политике Турции. В период с 1923 по 1946 г. в Турции сформировалась однопартийная система во главе с Народной партией (с 1924 г. Народно-Республиканской), официальная религия кемалистского центра была конституционно закреплена в виде шести основополагающих принципов: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и реформизм. Республиканский центр строил национальное единство с отчетливо выраженным турецким характером: турецкий язык закреплялся в качестве официального, понятие «турок» включало всех граждан республики безотносительно расы и религии, и все множественные идентичности должны были объединиться в одну турецкую. Центр был светским, городским, националистическим и прозападным, а периферия – религиозной, сельской, аграрной и традиционной. По мнению Озбудуна, в период однопартийного доминирования центр состоял из военно-бюрократической элиты на национальном уровне и земельной аристократии – на местном, не делая попыток расширить социальную базу поддержки за счет крестьян на периферии [Özbudun, 1970, p. 393–394].

Как указывал Ш. Мардин, «усилия кемалистов были направлены на создание символов национальной идентичности, а не на радикальное изменение места крестьянина в системе... тем самым сохранялись традиционные отношения Османской империи с периферией» [Mardin, 1973, p. 183]. И.В. Кудряшова и Е.Ю. Мелешкина, наоборот, считают, что «режимы имперского управления не могут быть повторены в новых национальных государствах, которые стремятся осуществить территориально-политическую консолидацию и форсируют национальную унификацию и стандартизацию, в том числе при опоре на доминирующую этнокультурную идентичность» [Кудряшова, Мелешкина, 2022, с. 42].

Дэниэл Лернер характеризовал турецкую бифуркацию как разрыв между модернистами в западной части и традиционалистами, проживающими в деревнях анатолийской степи. Модернисты составляли десятипроцентное меньшинство, городское, образованное, обеспеченное, которое руководило страной и большинством частных предприятий и «получало большую часть общественно значимых ценностей, в том числе доход, безопасность и почтение» [Lerner, 1958, p. 153]. Главным характерным признаком модернистов и свидетельством раскола был партисипаторный стиль жизни модернистов [Lerner, 1958, p. 129].

Если центр был идеологически и экономически однородным, то периферия была фрагментированной в социально-экономическом, этническом и религиозном планах. Как считал Мардин, «провинции были рассадниками непримиримого инакомыслия... секты, синкретические культы, самопровозглашенные мессии представляли собой постоянную угрозу» центру [Mardin, 1973, p. 171]. Например, политика центра, направленная на ассимиляцию курдов и непризнание отдельной курдской идентичности, привела к политизации курдов – «в период с 1924 по 1932 г. было организовано 16 антиправительственных восстаний» [Donmez, 2007, p. 60], часть которых носила сепаратистский характер.

В период с 1950 по 1960 г. в Турции функционировала двухпартийная система, в которой проигравшая кемалистская партия (далее НРП) продолжала играть роль партии центра, а победившая Демократическая партия (далее ДП) взяла на себя роль партии периферии, хотя эта партия «возникла сверху как следствие элитарного конфликта, а не материализации расколов» [Çarkoğlu, 1998, p. 546]. В результате выборов было обеспечено представительство и

сократился разрыв между культурным центром и периферией [Wuthrich, 2013, p. 769].

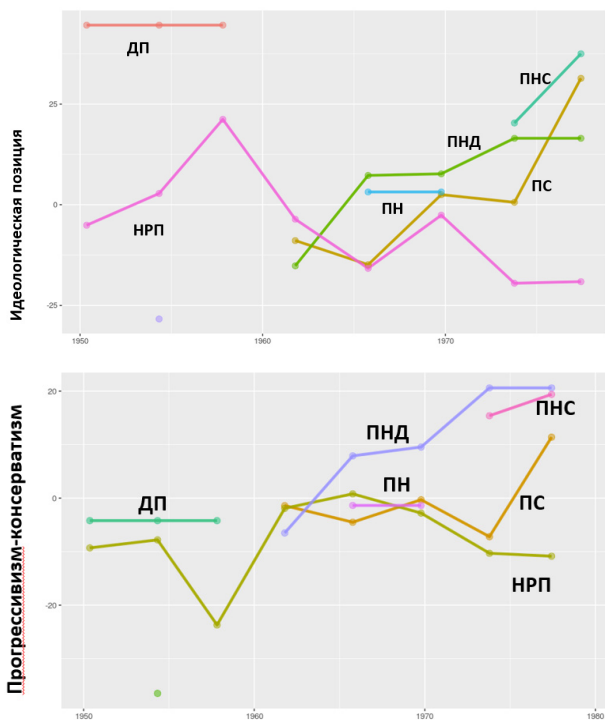

Рис. 1.

Идеологические позиции политических партий (1950–1980)¹

Несмотря на признание центр-периферийного раскола, ряд авторов указывают на его нивелирование вследствие рационального электорального выбора прагматичной периферии. В этот период на центр-периферийный (культурный) конфликт наслаивался конфликт между городом и деревней. Д. Раствоу отмечал «спор между деревней и городом, точнее между крупными и средними фермерами (которых поддерживает большинство сельского электората) и

¹ Источник: Manifesto Project Dataset (version 2023a). – Mode of access: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard/ (accessed: 01.08.2023).

наследниками кемалистского военно-бюрократического истеблишмента; предмет спора – индустриализация или приоритетное развитие сельского хозяйства» [Растой, 1996, с. 8]. С. Хантингтон отмечал, что Демократическая партия сохранила пять из шести принципов кемализма – кроме этатизма, так как выступала за либерализацию частного предпринимательства [Huntington. 1970, p. 22]. Экономические интересы в сочетании с апеллированием к традиционным религиозным ценностям обеспечили партии массовую поддержку на периферии, которой не было у НРП. Проект «Манифесто», анализирующий тексты избирательных платформ политических партий, размещает ДП на правой стороне идейно-политического спектра, но не фиксирует больших отличий между НРП и ДП в плане консервативных ценностей (рис. 9)¹. Можно заключить, что на первом этапе демократической конкуренции центр-периферийный раскол имел экономический характер и стал результатом рационального выбора лидеров ДП, направленного на получение голосов периферии, «социальное пробуждение народа» [Payaslioglu, 1964] и разрушение монополии городского образованного класса [Rustow, 1966, p. 133].

Д. Лернер описывает экономическое голосование и рациональную стратегию Демократической партии в деревне Балгат (которая в результате реформ стала частью Анкары), где в 1950 г. все средства массовой информации заменяла устная коммуникация. Демократы проводили персональную агитацию в деревнях и после победы осуществляли модернизационные реформы (урбанизацию, индустриализацию, развитие СМИ), в результате которых все сельские жители считали себя демократами (подробнее см.: [Lerner, 1958]). Победителем на выборах стала партия, которая смогла предложить лучшие экономические результаты для сельских и менее образованных жителей периферии.

Ш. Мардин утверждает, что главным отличием между городом и деревней был уровень религиозности, а Демократическая партия легитимизировала ислам и традиционные сельские ценности для объединения периферии и прихода к власти, сделав «ислам символом периферии, противостоящей светской и модернизированной центральной бюрократии» [Mardin, 1973, p. 187]. Этот процесс

¹ Здесь и далее данные проекта Манифесто с сайта Режим доступа: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (дата посещения: 01.10.2023).

не являлся исламизацией, так как партия поддерживала ислам в социальной, а не в политической системе. Демократическая партия выстроила имидж партии, защищающей интересы периферии в сфере религии, в то время как НРП продолжала отождествляться избирателями с элитаризмом и секуляризмом центра, который на соревновательных выборах не смог получить поддержку «грубого, необразованного, некультурного и невежественного сельского населения» [Tachau, 2002, p. 40].

В двухпартийный период (выборы 1950, 1954, 1957 гг.) две основные партии получали более 98% парламентских мест [Хари-тонова, 2018, с. 200], хотя «партия центра» ни разу не выиграла выборы. Плюральная избирательная система с многомандатными округами способствовала формированию двухпартийности, граничащей с доминированием одной партии, ограничивая партийную фрагментацию и уменьшая электоральные шансы мелких партий. Поляризация между двумя основными партиями носила центр-периферийный характер в том смысле, что между партиями наблюдался территориальный раскол. В этот период «НРП сохраняла имидж представителя элиты, оторванной от среднестатистического сельского турка» [Tachau, 2002, p. 39].

Военный переворот 1960 г. завершил противостояние центра и периферии и ознаменовал «возвращение центра» в виде военной элиты. Ранее турецкая война за независимость, приведшая к появлению республики, превратила армию в значимого актора политики, который являлся гарантом национальной безопасности, общественного порядка, в случае серьезных политических кризисов задействуя механизм государственного переворота, апеллируя к принципам Ататюрка.

После переворота на деятельность ДП был наложен запрет, что привело к конкуренции между политическими партиями за периферийных избирателей, большая часть которых перешла к Партии справедливости (ПС), которая в 1965 и 1969 гг. получила большинство мест в парламенте и возможность сформировать правительство. Переход к пропорциональной системе трансформировал двухпартийность в «поляризованную многопартийность» по Дж. Сартори [Rubin, Нерет, 2002], при которой партиям требовалось формировать коалиционные правительства.

ПС позиционировала себя как преемница ДП, тем самым сохраняя «раскол внутри существующего баланса сил: между цен-

тральной бюрократической элитой и сельской периферией» [Rubin, Neger, 2002, p. 85]. НРП в этот период являлась партией не только центра, но и полупериферии, так как партии удалось расширить свой электорат, в который вошли две новые группы – рабочий класс и бедняки, живущие на периферии больших городов, и мелкое крестьянство из наиболее развитых сельскохозяйственных районов; актив партии составляли профсоюзные организации из обрабатывающей промышленности (подробнее см.: [Rubin, Neger, 2002, p. 105]). НРП сохранила приверженность основным принципам национализма, лаицизма, централизма, но идеологически в 1960-е годы сдвинулась влево, «заняв квазисоциалистические позиции... и став партией центра и городских обездоленных [Kalaycioglu, 1994, p. 408]. В 1971 г. последовало очередное вмешательство армии, которое «отождествлялось на периферии с поворотом к жесткому старому порядку, мобилизации бюрократии и плановой экономике» [Mardin, 1973, p. 186]. В 1970-е годы, несмотря на наличие в парламенте еще пяти-шести партий, не менее 75% мест в нем контролировали две основные партии – НРП и ПС, однако ни одна из них не могла сформировать однопартийное правительство, а глубокие идеологические разногласия не позволяли им договориться. Проект «Манифесто» отмечает в этот период смещение НРП влево и постепенное усиление акцента на консервативные ценности в манифестах правых партий ПС, ПНД и ПНС (рис. 1).

Фракционализация партийной системы и, как следствие, политическая и социальная нестабильность 1970-х годов привели к очередному военному перевороту 1980 г., в результате которого был установлен десятипроцентный избирательный порог (сниженный до 7% только в 2023 г.) и десятилетний запрет на деятельность прежних партийных лидеров (снятый в 1987 г.). В 1980-е годы в партийной системе соревновались четыре новые партии, правоцентристские Партия отечества (ПО) и Партия верного пути (ПВП) и левоцентристские Народная партия и созданная военными Националистическая демократическая партия. На выборах 1983 и 1987 гг. победу одержала ПО, которая стала третьей правоцентристской партией периферии, которой удалось сформировать правительство большинства. К середине 1980-х годов в Турции сложился значительный средний класс, члены которого противостояли сильному государству и государственно-ориентированной модели развития и голосовали за партии периферии [Rubin, Neger, 2002, p. 86].

В 1980-е годы сохранялся основной центр-периферийный раскол между армией и бюрократией, с одной стороны, и демократически настроенной элитой и буржуазией – с другой, но ни центр, ни периферия не были представлены одной партией из-за фрагментации. За избирателей республиканского центра боролись Социал-демократическая народная партия (СДНП) и Демократическая левая партия, включающие в свои платформы ключевые принципы Ататюрка [Kalaucioglu, 1994, p. 406–409], однако партии «не хотели идентифицировать себя с кемалистской культурной революцией», главным пунктом центр-периферийного раскола [Kalaucioglu, 1994, p. 407]. По мнению А. Секор, в этот период происходит усиление функционального раскола между правым и левым центром [Secor, 2001, p. 544]. В 1990-е годы основные центристские партии получали большинство голосов, но к 1999 г. политологи фиксируют уменьшение их поддержки (с 82% в 1991 г. до 56% в 1999 г.), в первую очередь вследствие их неспособности решить социально-экономические проблемы.

Как указывает Эсмер, секуляризм, который в турецком контексте понимается как сохранение религии в частной жизни, и запрещает любое вмешательство в политическую и правовую сферы, всегда был главной ценностью республиканских элит, поэтому появление периферийных исламистских партий, угрожающих светской системе, вызывало ответную реакцию центра [Esmer, 2019, p. 141].

Проект «Манифесто» демонстрирует идеологическую фракционализацию партийной системы в этот период, при которой все основные партии находились вокруг центра, и только исламистская Партия благоденствия (ПБ) имела отчетливую консервативную и религиозную направленность (Рис. 2). На выборах 1995 г. ПБ заняла первое место по числу голосов, получив поддержку сельской периферии [Rubin, Neper, 2002, p. 29], и вошла в коалиционное правительство. Отставка правительства в 1997 г., произошедшая в формате «постмодернистского» переворота без роспуска парламента и приостановки действия Конституции, и запрет на деятельность партии за нарушение принципов секуляризма явились очередным ответом центра на подъем периферии, хотя за месяц до запрета была создана новая исламистская партия – Партия добродетели (ПД).

В начале 2000-х годов ПСР отождествлялась с партией консервативного центра, так как ее идеология, согласно В.В.Матюхину, включала «приверженность демократическим ценностям с сохранением религиозной идентичности... что свидетельствовало о движении Турции в «постсекулярном» направлении [Матюхин, 2013, с. 127, 137]. В 2000-е годы проект «Манифесто» фиксирует полевение республиканцев и постепенное смещение влево правящей ПСР. В культурном плане отличия более отчетливы: наблюдается высокая поддержка традиционных ценностей и религии в манифестах ПСР, ПНД и максимальная – у Партии счастья (рис. 3).

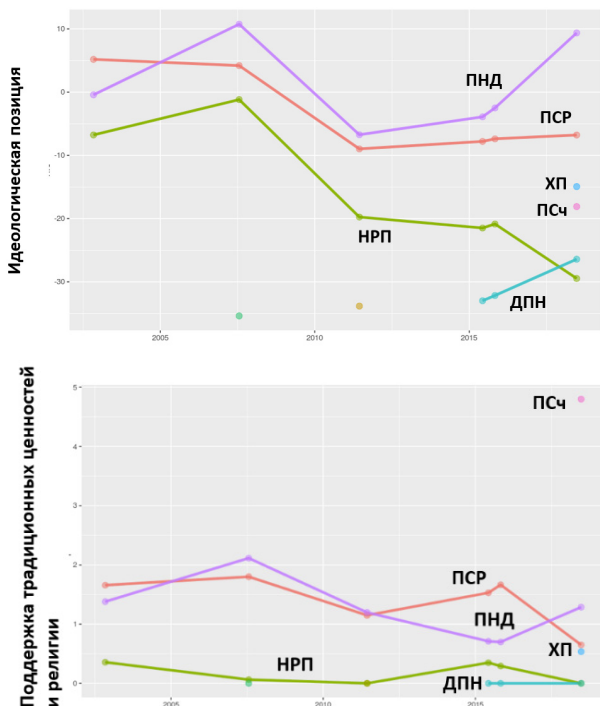

Рис. 3.
Идеологические позиции (левая-правая) политических партий (2001–2018)¹

¹ Источник: Manifesto Project Dataset (version 2023a). – Mode of access: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard/

Э. Шилз добавил в центр-периферийную историю современного общества такие элементы общества традиционного, как традиции, харизма, духовность [Shils, 1982]. Эти элементы имеют значение для избирателей при отсутствии институционализированной партийной системы, становлению которой в Турции препятствовали военные перевороты, запреты на функционирование партий и лидеров. В этих условиях избирателям было сложно сформировать четкую и долгосрочную партийную идентификацию. По мнению Калайчиоглу, «слабая институционализация и фракционализация партийной системы, волатильность выборов и деполитизация масс сохраняют приоритет патрон-клиентских отношений, примордиальных связей, кровных уз и способствуют приходу лидеров мессианского типа» [Kalaycioglu, 1994].

В настоящее время некоторые авторы считают, что центр-периферийная рамка потеряла свой объяснительный потенциал вследствие консолидации голосов ПСР в центре [Levin, 2023]. Э. Шилз ранее указывал, что в случае, если харизма периферии перевешивает харизму центра, периферия может стать контрцентром [Shils, 1982, p. 38]. Периферийным лидером контрцентра является харизматичный и прагматичный популист Р. Эрдоган, который «ради сплочения масс вселил дух священного во все аспекты социального существования. Политика стала выражением духовной революции и миссии...» [Yabanci, 2020]. Несмотря на то что Р. Эрдоган и его партия пришли к власти и формально удерживают властные позиции центра, в плане получения поддержки со стороны сельских районов он остался лидером периферии.

Р. Эрдоган является лидером-популистом и после конституционных поправок, снявших ограничения на партийность президентов, голоса за ПСР могут рассматриваться как поддержка лично президента. Как показали Каркоглу и Йылдирим, в 126 округах в пяти крупных городах Р. Эрдоган в среднем получает на 9,8% больше голосов, чем его партия [Çarkoğlu, Yıldırım, 2018, p. 176].

Эмпирические исследования центр-периферийного раскола в электоральном поведении

Османское и кемалистское историческое наследие, а также волновое политическое развитие привели к образованию линии

раскола между исламскими и секулярными ценностями. Поэтому эмпирические исследования электорального поведения на микроуровне электоральных предпочтений в качестве значимого предиктора результатов выборов выявляют секулярно-рациональный раскол, который вслед за Э. Шилзом и Ш. Майданом называют центр-периферийным. Каркоглу и Айтач подчеркивают, что ценностный раскол не способствует формированию классового раскола [Aytaç, 2022; Çarkoğlu, 2000; 2009; 2012], так как ценности поддерживаются формальным образованием, религиозностью и идеологическими установками политических партий.

Для эмпирического подтверждения центр-периферийного раскола авторы используют данные Всемирного обзора ценностей, Европейского обзора ценностей и опросов общественного мнения в Турции.

Эсмер сделал вывод, что наиболее статистически значимым предиктором электорального поведения в Турции является идеологическая идентификация. Он отметил смещение электоральных предпочтений вправо и сделал вывод, что идеологическая позиция, религиозные и националистические ценности важнее социально-экономических показателей [Esmer, 2002, p. 110–111]. Эсмер выявил связь между идеологией и социально-экономическими показателями только у сторонников левых партий, которые имели более высокие уровни доходов, и пришел к выводу, что в Турции левые взгляды не являются идеологией необразованных низших классов [Esmer, 2002, p. 108]. Однако главной значимой независимой переменной для прогнозирования поддержки левых партий в его исследовании был индекс секуляризма. Рассматривая предпочтения избирателей центра и периферии, Эсмер выявляет следующие тенденции: более образованные представители центра меньше доверяют различным институтам, чем менее образованные жители периферии, в сельской местности респонденты скорее поддержат сильного лидера или военный режим, вера в легитимность демократической системы значительно выше среди более образованных представителей центра. Наибольшие отличия фиксируются в сфере толерантности: индекс толерантности показывает, что менее образованные представители периферии намного менее толерантны, чем образованные представители центра (подробнее см.: [Çarkoğlu, 2007]).

Каркоглу операционализировал идеологический раскол через индекс религиозности и выявлял четкое разделение избирателей на

правых и левых и идеологическую поляризацию на всех выборах в период с 1961 до 1995 г. [Çarkoğlu, 1998, p. 555]. Он обнаружил ценности периферии у избирателей правых партий, такие как религиозность, консерватизм, семейные ценности, религиозное образование, децентрализация, рыночная экономика, неприятие лаицизма и государственного контроля, и показал, что левые партии были менее популярны среди религиозных избирателей [Kalaucioglu, 1994, p. 409, 411]. Эти ценности продвигали в 1980-х годах правоцентристские Партия верного пути и Партия отечества. Калайджиоглу также пришел к выводу, что к началу 1990-х годов основным расколом оставался центр-периферийный конфликт, определяемый религиозностью, так как «кровь и вера важнее социоэкономического статуса в турецкой политике» [Kalaucioglu, 1994, p. 422]. Позже Эсмер зафиксировал более высокий уровень индивидуальной религиозности в 2000 г. по сравнению с 1990 г. и заключил, что турки по большей части являются набожными мусульманами. В 2001 г. 58% респондентов были согласны с утверждением, что политикой должны заниматься верующие в бога политики [Esmer, 2008]. Всемирный обзор ценностей¹ показывает, что в период с 1989 по 2022 г. (все волны обзора) около 90% граждан Турции считали религию очень или достаточно важной в жизни, причем в деревнях их число достигает 99%. В среднем менее 5% респондентов полностью доверяют людям, исповедующим другую религию (в столице – 5,8%, в деревнях – 0%).

Анализируя выборы 2007 и 2011 гг., Каркоглу отмечал, что электорат становится более консервативным, поэтому растет поддержка ПСР и Эрдогана [Çarkoğlu, 2012, p. 519]. Данные Всемирного обзора ценностей (ВОЦ)² показывают постепенное смещение идеологической идентификации избирателей вправо на идейно-политическом спектре. На шкале от 1 (левый) до 10 (правый), только 20% опрошенных идентифицируют себя в качестве левых (от 1 до 4), и если в первую волну обзоров (1989–1993) 44% считали себя центристами (значения 5 и 6 по шкале), то в последнюю волну опросов (2017–2022) число центристов сократилось до 27%.

¹ Здесь и далее данные с сайта Всемирного обзора ценностей. Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds). World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Data. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 10.11.2023).

² Там же.

Сейчас 40% турков считают себя правыми (от 7 до 10), причем в столице правые составляют 66,7%, в деревнях – 59,3, в региональных центрах – 39,2, других городах – 42,3%. Это объясняет стабильную поддержку избирателями правых партий и уменьшение электората левых.

Некоторые авторы фиксируют возрастные отличия между избирателями вследствие различий в политической ситуации при социализации разных возрастных групп. По их мнению, пожилые люди, которые были социализированы в 1970-е годы, с меньшей вероятностью будут симпатизировать повестке ПСР, чем молодые люди, которые были социализированы после 1980 г., «в эпоху растущего консерватизма» [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Однако анализ данных Всемирного обзора ценностей, проведенный автором, не выявил значимых возрастных различий в ответах респондентов.

Всемирный обзор ценностей также выявляет снижение уровня поддержки демократии. Если в конце 1990-х годов только 35,8% граждан считали политическую систему, в которой есть «сильный политический лидер, которого не волнует парламент и выборы», очень хорошей или достаточно хорошей, то в 2020 г. таких респондентов было 49,4%. Причем в столице так считали 37,2% респондентов, в периферийных городах – 55,3%.

Центр-периферийная ценностная рамка доминирует в исследованиях электорального поведения в Турции, хотя, как признают и ее апологеты, и критики, «бинарная рамка с одним конфликтом не является адекватной для объяснения политической карты» [Levin, 2023, p. 632]. Поэтому многие авторы, признавая ключевые отличия в религиозно-секулярном плане, пытаются добавить другие оси размежеваний. Каркоглу выявил две оси размежеваний политических партий: традиционализм – универсализм, частично соответствующую, по его мнению, центр-периферийному расколу, и государственное регулирование – рыночная экономика как отражение идеологических разногласий между левыми и правыми [Çarkoğlu, 1998, p. 564]. Он продемонстрировал, что традиционные ценности сочетаются с изоляционистскими, антиимпериалистическими, патриотическими и националистическими. Каркоглу фиксирует изменение ценностных ориентаций от традиционных к универсалистским и смещение акцента от государственного регулирования к рыночной экономике, что позволило ему сделать вы-

вод об усилении в 1990-е годы идеологического раскола и ослаблении центр-периферийного [Çarkoğlu, 1998].

Иную версию двумерного спектра представили Каркоглу и Хинич, у которых первая ось отражает религиозно-секулярный раскол между центром и периферией, вторая – реформаторские позиции или сохранение статус-кво. Вторая ось пересекается с курдским и турецким национализмом: на крайних позициях оси располагаются прокурдские и националистические партии соответственно [Çarkoğlu, Hinich, 2006, p. 377–378]. Авторы выявили центростремительные тенденции политического соревнования и движение партий к центру, в сторону «турецкого национализма, смешанного с варьирующимися дозами происламизма», и сделали вывод, что успех ПСР в 2002 г. стал результатом не «происламской основы, а умеренной повестки» [Çarkoğlu, Hinich, 2006, p. 288, 389]. Авторы отметили значимые демографические характеристики, способствующие поддержке исламистских и националистических партий, в том числе исламистские ориентации восточных провинций, курдские националистические ориентации у групп с низким уровнем образования и турецкие националистические – у групп с высоким уровнем образования [Çarkoğlu, Hinich, 2006].

Тремя общественными расколами, которые определяют политическое соревнование в Турции, по мнению Анны Секор, являются идеологический, этнический и религиозный. Секор проанализировала платформы всех политических партий 1990-х годов и заключила, что одномерный идейно-политический спектр, построенный на экономических аспектах (коллективизм – плюрализм, рынок – перераспределение), должен быть дополнен измерением центр-периферийной идентичности, которая в ее исследовании операционализируется через ориентации на Запад-Восток и секуляризм-исламизм [Secor, 2001, p. 557]. Левин предлагает добавить к центр-периферийной оси турко-курдское размежевание [Levin, 2023, p. 634], которое позволит анализировать позиции прокурдских партий и их поддержку избирателями.

Центр-периферийная рамка и электоральная география

Исследователи электорального поведения в Турции стали более активно изучать географическое распределение поддержки

партий после выборов 2007 г., когда победившая ПСР стала национализированной партией¹, поддержка НРП была локализована в западных и прибрежных провинциях, а прокурдские партии консолидировались на юго-востоке страны.

Э. Шилз писал, что «представители центра обычно являются более националистическими и патриотичными по сравнению с периферией, и эти настроения усиливаются при угрозе сепессионистских настроений, исходящих из периферии» [Shils, 1982, p. 28]. Стоит отметить, что Шилз не считал центр пространственно-ориентированным явлением, указывая, что «центральное положение не имеет ничего общего с геометрией и географией» [Shils, 1982, p. 93]. Для Шилза центр-периферийные отличия проявлялись в конфликте между современными ценностями элиты (центр) и традиционными ценностями массы (периферия). Согласно такому подходу, центр голосует за либеральные или левоцентристские партии, периферия – за консервативные, исламистские или националистические партии. Однако округа центра отличают более высокий уровень образования, урбанизации и низкие уровни религиозности, поэтому географические факторы необходимо рассматривать в совокупности с другими переменными. В рамках центр-периферийной парадигмы, ценностной, по Э. Шилзу, и культурной (*kulturkampf*) в терминологии Калайджиоглу, поддержка исламистских и националистических партий рассматривается как усиление периферийных сил.

По мнению Анны Секор, в 1990-е годы Турция оказалась «на развилке идеологического и географического расколов» [Secor, 2001, p. 539]. Ее анализ выявил доминирование исламистских партий в центральных и восточных провинциях, т.е. в сельских регионах, ассоциирующихся с периферией, и поддержку избирателями из более развитых западных провинций право- и левоцентристских партий. Она обнаружила рост поддержки исламистских Партии благоденствия и Партии добродетели в Анкаре и Стамбуле, традиционно более секулярных и космополитичных городах, и заключила, что центр-периферийный раскол со временем размывается [Secor, 2001, p. 545].

¹ ПСР заняла первое место по индексу национализации (0,903). Значение ниже, чем ДП и НРП в 1950-е годы (0,951 и 0,932 соответственно), но выше значения индекса НРП в 2000-е (0,854). Прокурдские партии остаются регионализированными (значение индекса 0,572) [Demirkol, Bekaroğlu, 2021, p. 37].

Каркоглу выявил четкую пространственную картину выборов 1999 г.: в наиболее развитых западных регионах (Центр) доминировали право- и левоцентристы, а жители периферии поддерживали антисистемные, реакционные партии (исламистскую Партию добродетели), ультранационалистическую Партию националистического движения или прокурдскую Народную демократическую партию [Çarkoğlu, 2000].

Согласно Уэсту, выборы после 1999 г. начинают демонстрировать три отчетливых географических кластера: первый представляет группу провинций вдоль Средиземного, Эгейского и Мраморного морей; второй включает провинции в центре и на побережье Черного моря, в том числе Стамбул и Анкару; третий состоит из восточного и юго-восточного треугольника провинций [West, 2005]. Уэст пришел к выводу, что регионы отличаются по уровню социально-экономического развития, а главным расколом является уровень религиозности и отношение к религии. Провинции в первом кластере поддерживали секуляризм НРП, провинции в центральном регионе голосовали за исламистские партии, третий кластер демонстрировал поддержку прокурдских партий [West, 2005, p. 519]. Секор также отмечала, что в 1999 г. Партия добродетели получала поддержку мигрантов в городах, в то время как прокурдская партия получила поддержку в юго-восточных провинциях, а ультранационалистическая ПНД – в этнически смешанных провинциях Центральной Анатолии [Secor, 2001].

Партийная система Турции не является национализированной, однако НРП, ПСР и сменяющие друг друга прокурдские партии демонстрируют консолидированную на уровне отдельных провинций поддержку и низкие уровни электоральной волатильности [Moral, 2022], что позволяет изучать электоральную географию на уровне провинций и округов. Разные исследователи выделяют географические кластеры по результатам выборов и общим признакам, поэтому изменение электоральной поддержки меняет общий пространственный рисунок.

Айтач, Каркоглу и Ыылдирим выделяют географические кластеры на основе следующих характеристик: социально-экономические условия, центр-периферийный раскол, идеологические предпочтения (левые, правые, умеренный и радикальный исламизм) и тип национализма (турецкий или курдский). Многие характеристики часто совпадают: жители периферии имеют более

низкий уровень образования, более высокую степень религиозности и выраженную примордиальную идентификацию (в том числе этническую курдскую) [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Каркоглу и Йылдирим на основе анализа выборов 2018 г. выделили шесть географических кластеров и продемонстрировали, что только западные прибрежные, восточные и юго-восточные провинции голосуют против консервативной националистической и происламистской программ [Çarkoğlu, Yıldırım, 2018]. При этом самый высокий уровень конкуренции наблюдался в западных прибрежных провинциях, в которых отсутствовали устойчивые исламистские настроения. Так, Тосун, Унал и Тосун проанализировали результаты выборов в Турции с 1983 по 2018 г. в 12 прибрежных провинциях и выявили, что за НРП голосуют избиратели, имеющие высокий уровень образования, из средних и высших классов и делают вывод, что НРП достигла предела электоральной поддержки и «застыла» (stuck) в западных провинциях [Tosun, Ünal, Tosun, 2021].

В качестве иллюстрации проведем анализ результатов парламентских выборов 2023 г., рассмотрев в первую очередь электоральную поддержку ПСР, НРП и прокурдской Лево́й партии зеленых¹. Анализ электоральных предпочтений показывает пространственный рисунок, на котором выделяются три кластера – центр, периферия и глубокая периферия (рис. 1–3). Э. Шилз писал о неоднородности периферии, указывая, что некоторые слои общества более периферийны, менее затронуты властью центра и менее включены в систему центральных ценностей [Shils, 1982, p. 59]. Анализируя расколы в Норвегии, С. Роккан также выделял две периферии на основе двух расколов – территориального (периферию контрцентра) и культурного (поляризованную периферию) [Rokkan, 1966, p. 253]. В Турции территориальный раскол географически совпадает с культурным, но понимая периферийность как континуум, можно выделить глубокую националистическую периферию, к которой будет отнесен курдский сегмент.

¹ Представители прокурдской Демократической партии народов (ДПН) участвовали в выборах 2023 г. в списках ЛПЗ.

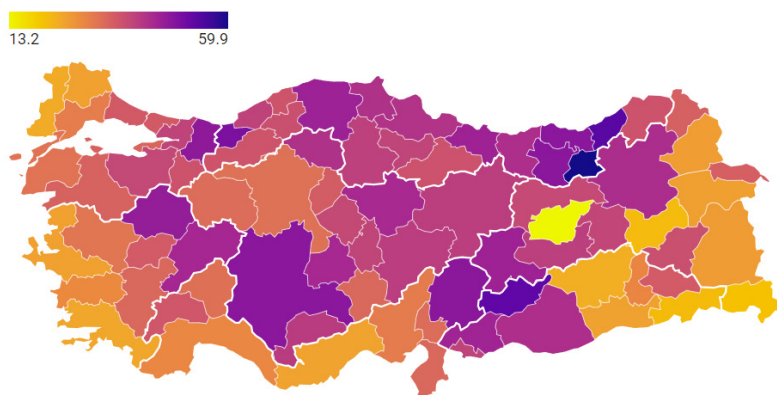

Рис. 1.
**Поддержка Партии справедливости и развития
на парламентских выборах – 2023¹**

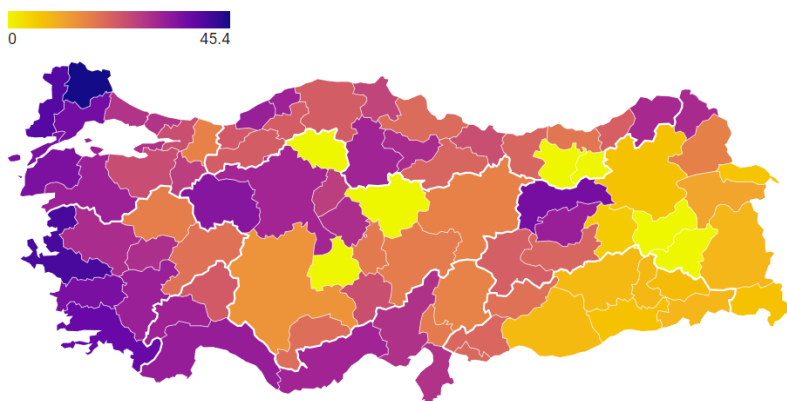

Рис. 2.
**Поддержка Республиканской народной партии
на парламентских выборах – 2023²**

¹ Составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

² Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

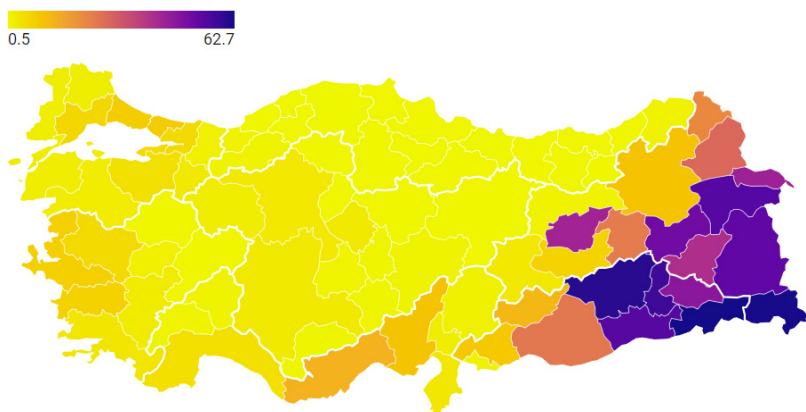

Рис. 3.
**Поддержка Левой партии зеленых
на парламентских выборах – 2023¹**

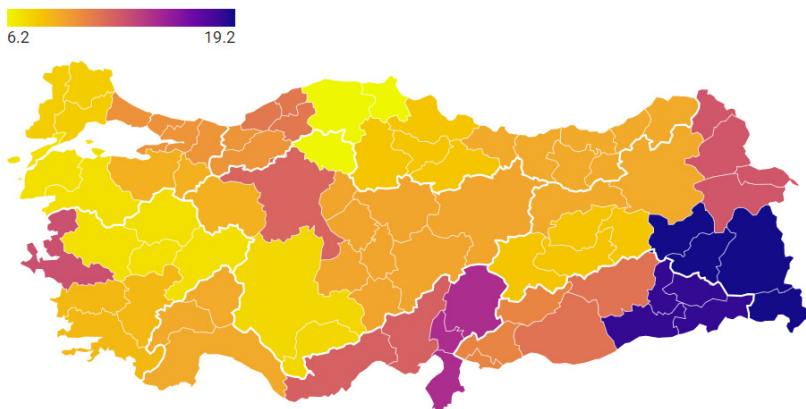

Рис. 4.
Уровень безработицы (%)²

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

² Источник: составлено автором на основе данных İşsizlik Oranı (%). – Mode of access: <https://cip.tuik.gov.tr/>

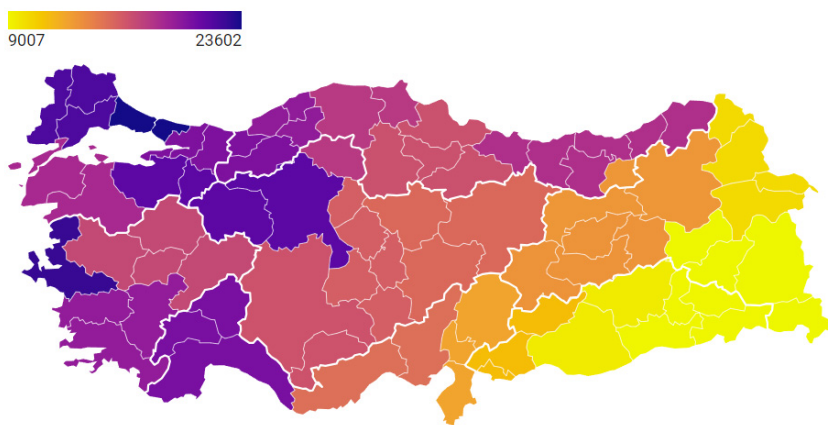

Рис. 5.
Черта бедности¹

Три выделенных кластера отличаются по социально-экономическим параметрам, третий кластер имеет самый высокий уровень безработицы (рис. 4) и самый низкий порог бедности (рис. 5). Статистические данные 2010 г. о курдском сегменте свидетельствуют о том, что средний уровень грамотности среди курдского населения составляет 82,8%, среди старшего поколения – 64,2%, и только 26% курдов имеют высшее образование [Харитонов, 2019, с. 53].

Первый кластер – традиционный центр – включает 24 провинции, расположенные в западной и прибрежной частях страны, в том числе города Стамбул, Анкару, Анталию и Измир. В этом кластере ни у одной из двух основных партий не было абсолютного большинства голосов, но НРП получала относительное большинство голосов во всех провинциях кластера кроме Стамбула.

Во второй кластер попали 43 периферийные провинции центральной, северной и восточной части, в которых лидировала ПСР. Только в одной провинции ПСР набрала абсолютное большинство, в остальных – относительное, но в некоторых провинциях на 30 п. п. больше НРП.

¹ Источник: составлено автором на основе данных İşsizlik Oranı (%). – Mode of access: <https://cip.tuik.gov.tr/>

Восточные и юго-восточные провинции, в которых проживает курдское меньшинство, были включены в третий кластер – глубокая периферия. В третьем кластере доминировала прокурдская Левая партия зеленых, в 7 из 14 провинций получившая абсолютное большинство голосов. На втором месте в кластере была ПСР, а у НРП ни в одной из курдских провинций не было даже относительного большинства. Кумбараджибаши и Финк, выделяя географические кластеры, отмечают, что электоральные стратегии политических партий также варьируются с учетом социально-экономических и культурных отличий между кластерами [Kumbaracıbaşı, Fink, 2021, p. 18].

Турция представляет собой разделенное общество, и хотя курдский сегмент официально никогда не был признан, наличие этнических восстаний, этнического терроризма, этнической войны (1992–2002) и прокурдских партий, выступающих за смягчение политики государства в отношении курдов, свидетельствуют о политизации турко-курдского раскола. Опросы общественного мнения среди курдов демонстрируют, что этничность продолжает иметь для них значение в политической жизни, и даже возрождение ислама имеет ограниченное влияние на курдский национализм: для 41% курдов этническая идентичность стоит выше религиозной или национальной – общетурецкой (подробнее см.: [Харитоновна, 2019, с. 40]).

При этом более трети курдов живет за пределами выделенного нами кластера глубокой сельской периферии. Курдское население рассредоточено в восточных (60%), западных (26%) и южных (11%) провинциях. В сельской местности проживают 51% курдов, однако это, в первую очередь, относится к юго-восточным курдам [Eryurt, Koş, 2015]. Ранее исследователи разделяли курдские провинции на два кластера, в зависимости от электоральной поддержки (ПСР или прокурдские партии) [Çarkoğlu, 2000; Çarkoğlu, 2002; Çarkoğlu, 2009; Çarkoğlu, Avcı, 2002; Çarkoğlu, Yıldırım, 2019]. Как считают Каркоглу, Айтач и Йылдирим, глубоко религиозные курды, не идентифицирующие себя с курдским националистическим движением и Рабочей партией Курдистана, больше симпатизировали ПСР и Р. Эрдогану. [Aytaç, Çarkoğlu, Yıldırım, 2020]. Однако скромные результаты политики «курдского открытия» и антикурдская позиция Турции в сирийском конфликте изменили отношение курдов к правительству и ПСР. За три года – с 2012 по 2015 г. – уровень доверия курдов – избирателей ПСР к правительству снизился с 79 до 62%, а

электоральная поддержка курдами ПСР в период с 2010 по 2019 г. уменьшилась в два раза [Харитонов, 2019, 54].

Проведенный анализ выборов 2023 г. на основе выделения трех географических кластеров (центр, периферия, глубокая периферия по признаку социальной и географической дистанции) иллюстрирует сохранение в Турции центр-периферийного раскола. Дисперсионный анализ (анализ вариации ANOVA) голосования за основные партии демонстрирует значимость географического фактора: при голосовании за ПСР значимыми являются отличия между центром и периферией (рис. 6), при голосовании за НРП – между центром и периферией и центром и глубокой периферией (рис. 7), при голосовании за ЛПЗ – между глубокой периферией и двумя другими кластерами (рис. 8).

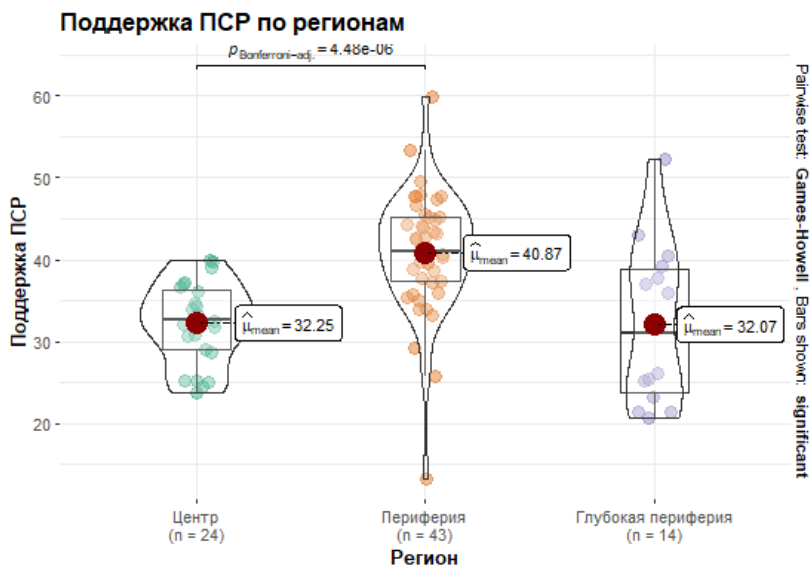

Рис. 6.
Поддержка ПСР (2023)¹

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

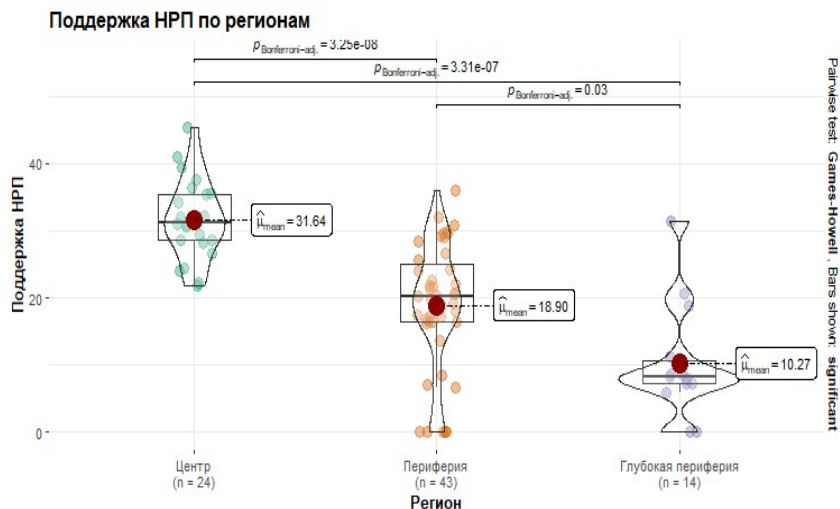

Рис. 7.
Поддержка НРП (2023)¹

Итак, за сто лет существования турецкой государственности территориальный центр-периферийный раскол не сменился функциональным, всеобщей национальной идентичности, провозглашенной Ататюрком, противостоят всеобщая исламистская и ограниченные турецкая националистическая и курдская националистическая. Правящая ПСР является традиционным представителем консервативной исламской периферии, которая с целью формирования новой версии национального единства переосмысливает понятие нации. «Новое определение нации построено на цивилизованности, мы чувствах, уверенности в себе и противостоянии врагам и Западу... и отсылках к мифическому имперскому прошлому Османской империи, характеризующейся [общественной] гармонией» [Yabancı, 2020, p. 105]. Официальная оппозиция в лице НРП представляет светский либеральный центр, ПНД – турецкий национализм; прокурдские партии (ДПН и в 2023 г. ЛПЗ) – курдский национализм. Наличие идентичностно ориентированных партий, имеющих концентрированную

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

электоральную поддержку в отдельных регионах, не способствует национализации партийной системы и сохраняет их региональный статус. Согласно Р.Ф. Туровскому, «региональными считаются партии, которые участвуют в выборах лишь на отдельных территориях и, соответственно, имеют сравнительно небольшое территориальное покрытие. Другим важным критерием принадлежности партии к категории региональных служит наличие партикуляристской идеологии, апеллирующей к интересам определенных территориальных сообществ» [Туровский, 175]. Наличие региональной прокурдской партии придает дополнительное измерение центр-периферийной рамке, тем самым подтверждая ее валидность.

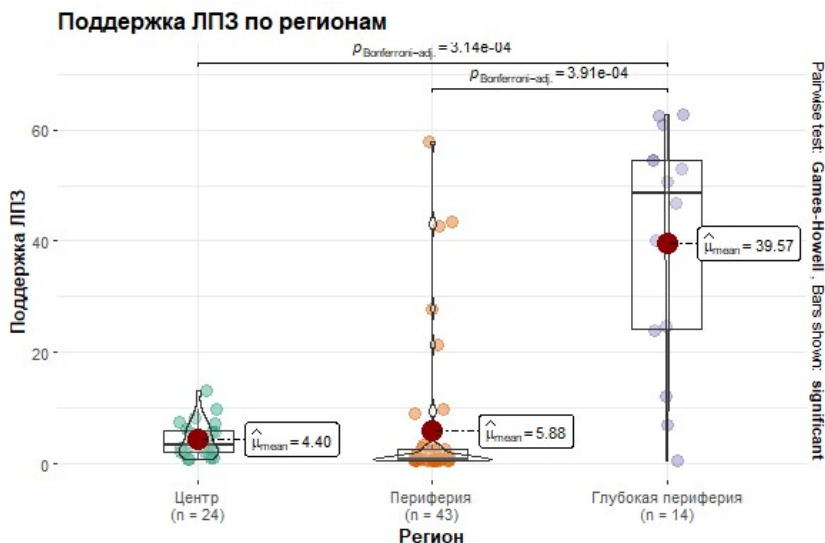

Рис. 8.
Поддержка ЛПЗ (2023)¹

Таким образом, несмотря на центростремительные ориентации правящей партии и президента, центр-периферийные размежевания продолжают определять конфигурацию партийной систе-

¹ Источник: составлено автором на основе данных General Election Results 2023 – Parties' Vote Shares – Distribution of Members of Parliament. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/secim-2023/secim-sonuclari> (accessed: 01.08.2023).

мы Турции, а концепция размежеваний сохраняет объяснительный, но не прогностический потенциал.

O.G. Kharitonova*
Center-periphery cleavage in Modern Turkey

Abstract. Turkey's political development witnessed the alternation of democratization and autocratization phases rooted in definite stable trends, the interpretation of which from different angles has been the subject of various research. The theoretical framework of center-periphery cleavages of E. Shills, S. Mardin, S.M. Lipset and S. Rokkan is applied to the analysis of the Turkish party system. The article examines the evolution of the Turkish party system in the context of the manifestation of the cleavages at each stage (urban-rural, center-periphery, secularism-religion), and identifies periods of dominance of the center-periphery (territorial) or ideological (functional) conflicts. Then the factors sustaining the center-periphery cleavage are studied, including high levels of religiosity, socio-economic disproportions between regions, territorialization (as opposed to nationalization) of the party system, and ethnic conflict. The article reveals that the successes of the Justice and Development Party and R. Erdogan are the result of the rational choice answer of the political elite of the center to the needs of the periphery, including through the instrumentalization of religion, populism and charisma.

The analysis of the 2023 elections identifies three geographic clusters (center, periphery, deep periphery based on social and geographic distance from the center) and confirms the persistence of the center-periphery cleavage in Turkey while the analysis of variance of voting for the three main parties demonstrates the significance of the geographical factor. The article comes to the conclusion that despite the centripetal orientations of the ruling party and the president, center-periphery cleavage continues to determine the configuration of the Turkish party system, and the centre-periphery framework is still valid for explaining the electoral behavior.

Keywords: Centre; periphery; cultural cleavage; Turkey; elections 2023; AKP.

For citation: Kharitonova O.G. Center-periphery cleavage in Modern Turkey. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 178–209. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.07>

References

- Aytaç S.E. Economic Voting during the AKP Era in Turkey. In: Tezcür G.M. (ed.). *The Oxford Handbook of Turkish Politics*. New York: Oxford university press, 2022, P. 319–340.

* Kharitonova Oxana, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: o.kharitonova@inno.mgimo.ru

- Aytaç S. E., Çarkoğlu A., Yıldırım K. Taking sides: determinants of support for a presidential system in Turkey. In: Verney S., Bosco A., Aydın-Düzgit S. *The AKP Since Gezi Park*. Abingdon: Routledge, 2020, P. 175–194.
- Çarkoğlu A. The Turkish party system in transition: party performance and agenda change. *Political studies*. 1998, Vol. 46, P. 544–571. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00154>
- Çarkoğlu A. The nature of left–right ideological self - placement in the Turkish context. *Turkish studies*. 2007, Vol. 8, N 2, P. 253–271. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683840701312245>
- Çarkoğlu A. The Geography of Turkey's 1999 Elections. *Turkish studies*. 2000, Vol. 1, N 1, P. 96–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683840008721225>
- Çarkoğlu A. The rise of the new generation pro-Islamists in Turkey: the Justice and Development Party phenomenon in the November 2002 elections in Turkey. *South European society and politics*. 2002, Vol. 7, N 3, P. 123–156.
- Çarkoğlu A. The March 2009 local elections in Turkey: a signal for takers or the inevitable beginning of the end for AKP? *South European society and politics*. 2009, Vol. 14, N 3, P. 295–316. DOI: <https://doi.org/10.1080/13608740903425734>
- Çarkoğlu A. Economic evaluations vs. ideology: diagnosing the sources of electoral change in Turkey, 2002–2011. *Electoral studies*. 2012, Vol. 31, N 3, P. 513–521. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.02.005>
- Çarkoğlu A., Avcı G. An analysis of the electorate from a geographical perspective. In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002, P. 115–136.
- Çarkoğlu A., Hinich M.J. A spatial analysis of Turkish party preferences. *Electoral studies*. 2006, Vol. 25, N 2, P. 369–392.
- Çarkoğlu A., Yıldırım K. Change and continuity in Turkey's June 2018 elections. *Insight Turkey*. 2018, Vol. 20, N 4, P. 153–182. DOI: <https://doi.org/10.25253/99.2018204.07>
- Demirkol Ö., Bekaroğlu E.A. Measuring party nationalization in Turkey: 1950–2018. In: Bekaroğlu E.A., Osmanbaşıoğlu G.K. (eds). *Turkey's electoral geography: trends, behaviors, and identities*. Routledge, 2021, P. 24–45.
- Donmez R.O. Nationalism in Turkey: political violence and identity. *Ethnopolitics*. 2007, Vol. 6, N 1, P. 43–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449050601161340>
- Eryurt M.A., Koç İ. Demography of ethnicity in Turkey. In: Sáenz R., Embrick D., Rodríguez N. (eds). *The International Handbook of the Demography of Race and Ethnicity. International Handbooks of Population*. Vol. 4. Dordrecht: Springer, 2015, P. 483–502. DOI: https://doi.org/10.1007/978-90-481-8891-8_23
- Esmer Y. Identity politics: extreme polarization and the loss of capacity to compromise in Turkey. In: van Beek U. (ed.). *Democracy under threat: a crisis of legitimacy?* Cham: Palgrave, 2019, P. 121–146.
- Esmer Y. At the ballot box: determinants of voting behavior. In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2002, P. 91–114.
- Esmer Y. Islam, gender, democracy and values: The case of Turkey, 1990–2001. In: Pettersson T., Esmer Y. (eds). *Changing values, persisting cultures. European Values Studies*, Vol. 12. Leiden, Boston: Brill, 2008, P. 275–301.

- Huntington S.P. Social and institutional dynamics of one-party systems. In: Huntington S.P., Moore C.H. (eds). *Authoritarian politics in modern society: the dynamics of established one-party systems*. New York, London: Basic Books, 1970, P. 3–47.
- Kalaycioglu E. Elections and party preferences in Turkey: changes and continuities in the 1990s. *Comparative political studies*. 1994, Vol. 27, N 3, P. 402–424. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414094027003004>
- Kharitonova O.G. Crisis Evolution of Turkish Political System. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics* (RU). 2018. N 3 (90), P. 181–205. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205>. (In Russ.)
- Kharitonova O.G. The Effects of Presidency in ethno-culturally diverse states: The case of Turkey. *Political science* (RU). 2019, N 4, P. 38–67. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.08> (In Russ.)
- Kumaracıbaşı A.C., Fink S. Spatial diffusion and geographical patterns in the Turkish vote for pro-Islamist parties. *Southeast European and black sea studies*. 2021, Vol. 21, N 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683857.2020.1868816>
- Kudryashova I.V., Meleshkina E.Yu., After empires: beating swords into ploughshares. *Political science* (RU). 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.0> (In Russ.)
- Lerner D. *The passing of traditional society: modernizing the Middle East*. New York: Free Press of Glencoe, 1958, 466 p.
- Levin P.T. Reflections on Şerif Mardin's center-periphery thesis. *Turkish studies*. 2023, Vol. 24, N 3–4, P. 617–639. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683849.2023.2189592>
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments. In: Anokhina N.V., Meleshkina E.Yu. (eds) *Parties and Elections. Reader*. Political Science series. Center for Social Scientific research. Political Science department. MGIMO (University) MFA of Russia. Moscow: INION RAS, 2004. P. 47–76. (In Russ.)
- Mardin S. Center-periphery relations: a key to Turkish politics? *Daedalus*. 1973, Vol. 102, N 1, P. 169–190.
- Matukhin V.V. «Post-secular» Turkey. *Political science* (RU). 2013, N 2, P. 126–141. (In Russ.)
- Moral M. Politics as (un)usual? An overview of the June 2018 presidential and parliamentary elections in Turkey. In: Çarkoğlu A., Kalaycıoğlu E. (eds). *Elections and public opinion in Turkey: through the prism of the 2018 elections*. Abingdon: Routledge, 2022, Chapter 3.
- Özbudun E. *Party politics & social cleavages in Turkey*. Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2013, 155 p.
- Özbudun E. Established revolution versus unfinished Revolution: contrasting patterns of democratization in Mexico and Turkey. In: Huntington S.P., Moore C.H. (eds). *Authoritarian politics in modern society: the dynamics of established one-party systems*. New York, London: Basic books, 1970, P. 380–405.
- Payaslıoğlu A.T. Political leadership and political parties in Turkey. In: Ward R.E., Rustow D.A. (eds). *Political modernization in Japan and Turkey*. Princeton: Princeton university press, 1964, P. 411–433.

- Rokkan S. Electoral mobilization, party competition, and national integration. In: LaPalombara J., Weiner M. (eds). *Political parties and political development*. Princeton: Princeton university Press, 1966, P. 241–265.
- Rubin B., Heper M. *Political parties in Turkey*. London: Frank Cass, 2002, 160 p.
- Rustow D. The Development of Parties in Turkey. In: LaPalombara J., Weiner M. (eds). *Political parties and political development*. Princeton: Princeton university press, 1966, P. 107–133.
- Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. *POLIS. Political Studies*. 1996, N 5, P. 5–15. (In Russ.)
- Secor A. Ideologies in crisis: political cleavages and electoral politics in Turkey in the 1990s. *Political geography*. 2001, Vol. 20, N 5, P. 539–560. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(01\)00011-7](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(01)00011-7)
- Shils E.A. *The constitution of society. Essays reprinted from the author's previous works*. London: University of Chicago press, 1982, 383 p.
- Tachau F. An Overview of electoral behavior: toward protest or consolidation of democracy? In: Sayari S., Esmer Y. (eds). *Politics, parties, and elections in Turkey*. Boulder: Lynne Rienner publishers, 2002, P. 33–54.
- Tosun T., Ünal B.A., Tosun G.E. The dynamics of change and differentiation in voter preferences in the western coastal provinces of Turkey since the 1980s. In: Bekaroğlu E.A., Osmanbaşoğlu G.K. (eds). *Turkey's electoral geography: trends, behaviors, and identities*. Routledge, 2021, P. 66–84.
- Turovsky R.F. Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research. *Politeia. Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2016. N 1 (80), P. 162–180. (In Russ)
- West II J.W. Regional cleavages in Turkish politics: an electoral geography of the 1999 and 2002 national elections. *Political geography*. 2005, Vol. 24, N 4, P. 499–523. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2005.01.003>
- Wuthrich F.M. An essential center–periphery electoral cleavage and the Turkish party system. *International journal of Middle East studies*. 2013, Vol. 45, N 4, P. 751–773.
- Yabancı B. Fuzzy Borders between Populism and sacralized politics: mission, leader, community and performance in ‘New’ Turkey. *Politics, religion & ideology*. 2020, Vol. 21, N 1, P. 92–112. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2020.1736046>

Литература на русском языке

- Кудряшова И.В., Мелешикина Е.Ю. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14–51. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>
- Липсет С. М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Партии и выборы: хрестоматия. Сер. «Политология» / Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешикина. – М.:

- Издательство: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. [Версия электронная]. – С. 47–76.
- Матюхин В.В. «Постсекулярная» Турция // Политическая наука. – 2013. – № 2. – С. 126–141.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Туровский Р.Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Полития. – 2016. – №1 (80) – С. 162–180.
- Харитонова О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы // Полития. – 2018. – №3 (90). – С. 181–205. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205>.
- Харитонова О.Г. Эффекты института президентства в этнокультурно-разнородных обществах: случай Турции // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 38–67. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.04.08>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список политических партий:

- ДЛП – Демократическая левая партия (Demokratik Sol Parti)
ДП – демократическая партия (Demokrat Parti)
ДПН – Демократическая партия народов (Halkların Demokratik Partisi)
НДП – Националистическая демократическая партия (Milliyetçi Demokrasi Partisi)
НРП – Республиканская народная партия (Cumhuriyet Halk Partisi)
ПБ – Партия благоденствия (Refah Partisi)
ПД – Партия добродетели (Fazilet Partisi)
ПИП – Партия истинного пути (Doğru Yol Partisi)
ПН – Партия нации (Millet Partisi)
ПНД – Партия националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi)
ПНС – Партия национального спасения (Millî Selâmet Partisi)
ПО – Партия отечества (Anavatan Partisi)
ПС – Партия справедливости (Adalet Partisi)
ПСР – Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi)
ПСч – Партия счастья (Saadet Partisi)
СДНП – Социал-демократическая народная партия (Sosyaldemokrat Halk Partisi)
ХП – Хорошая партия (İyi Parti)